

**ПЕРЕКРЕСТЬЯ ЭМИГРАНТСКИХ СУДЕБ
(ПИСЬМА Ф.А. СТЕПУНА К Б.П. ВЫШЕСЛАВЦЕВУ
С ПРИЛОЖЕНИЕМ РЕЧИ СТЕПУНА О БОЛЬШЕВИЗМЕ)***

В истории бывает так, что те или иные фигуры, если и заденут друг друга, потом расходятся навсегда, и их контакт – лишь строчка в историко-философском исследовании. Но бывает, когда судьба связывает людей более крепкой нитью, и тому много причин: общность эпохи, предполагающая испытание на твердость духа и характера; близость духовной структуры, когда человек старается жить скорее надличным бытием, чем заботами о быте. Тяжело сложились судьбы русской эмиграции – существование в условиях дикой бедности (С.Л.Франк), гибель в нищете (П.Б.Струве).

Здесь мы предполагаем обозначить пересечения путей двух русских мыслителей, ставших гордостью отечественной философии и закончивших свою жизнь в эмиграции – Ф.А.Степуна (Кондрово, 1884 – Мюнхен, 1965) и Б.П.Вышеславцева (Москва, 1977 – Женева, 1954). В истории философии Степун, немец по крови, фигурирует как русский философ. Однако трудно представить себе его фигуру без Германии, без немецкой школы, без немецкого опыта, без сорокатрехлетнего пребывания в Германии эмигрантом (где он провел 81 год – более половины жизни, если приплюсовать и его восьмилетнее обучение в Гейдельберге (1902–1909)). Ведь школа немецкого философствования была характерна для всех русских философов. Началось это еще с конца XVIII в. **Раздробленность Германии конца XVIII в. способствовала пробуждению энергетике мысли** – как это уже случалось в Греции, в Италии. Это была эпоха величайших немецких мыслителей, поэтов, композиторов: Гёте, Шиллер, Лессинг, Гофман, Фридрих и Август Шлегели, Людвиг Тик, Новалис, Гёльдерлин, Глюк, Моцарт, Бетховен... И, надо сказать, проснувшаяся к европейской жизни Россия сразу тогда заметила, что немцы ныне выполняют роль греков. Карамзин, посетивший Канта, Гердера, Виланда, наследниками древних греков назвал немцев: «Гердер, Гете и подобные им, присвоившие себе дух древних Греков, умели и язык свой сблизить с Греческим и сделать его самым богатым и для Поэзии удобнейшим языком»¹. На Гегеле и Шеллинге, как известно, выростала русская мысль, гегельянцами и шеллингианцами были поначалу весьма многие большие русские философы. В 30–40-е гг. XIX в. студенты, желая повысить свой уровень, ездили учиться в немецкие университеты. После некоторого затишья – снова, вместе со всей Европой, увлеклись идеями Маркс, Ницше, Маха, неокантианства. В русской мысли произошел тогда своеобразный немецкий ренессанс. В 1890 г. С.Н.Трубецкой писал брату Е.Н.: «Не бойся писать, но написавши проверь свой труд в Германии. А то нет ничего опаснее этого чисто субъективного, безапелляционного творчества без всякой другой проверки кроме книг, которые под конец и читаешь то под субъективным углом зрения. У нас кто за что взялся, тот в том и специалист. <...> Здесь научная жизнь имеет общественный характер, существует *наука* как живая общественная инстанция. И проверка этого коллективного сознания необходима; в каждом дельном ученом

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-03-00064а).

¹ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 78.

немце ты увидишь члена этой живучей умственной корпорации и если ты захочешь учиться, то почувствуешь ее отрезвляющее действие. Я испытал это уже отчасти»².

Слова Степуна в начале XX в. буквально повторяют мысль Карамзина. В передовой статье в «Логосе» 1910 г., Федор Степун писал, что немецкая философия играет в Новое время ту роль, какую играла греческая философия в Античности: «Мы по-прежнему, желая быть философами, должны быть западниками. Мы должны признать, что как бы значительны и интересны ни были отдельные русские явления в области научной философии, философия, бывшая раньше греческой, в настоящее время преимущественно немецкая»³. Не случайно Канта не раз по значимости сравнивали с Платоном. Классическая немецкая философия продуцировала идеи и методы по всему миру. Продолжу цитировать Степуна: «Это доказывает не столько сама современная немецкая философия, сколько тот несомненный факт, что все современные оригинальные и значительные явления философской мысли других народов носят на себе явный отпечаток влияния немецкого идеализма; и обратно, все попытки философского творчества, игнорирующие это наследство, вряд ли могут быть признаны безусловно значительными и действительно плодотворными. А потому, лишь усвоив это наследство, сможем и мы уверенно пойти дальше»⁴.

Следует отметить, что тогда действительно была необычная эпоха, напоминавшая первый проблеск русского Возрождения в карамзинско-пушкинское время. Рождался русский Серебряный век, когда русские мыслители едва ли не впервые почувствовали, что они могут научиться у немецких учителей не с тем, чтобы повторять уроки, но чтобы творить самим. Более того, утверждалась и научная преемственность, забота о младших товарищах. Поэтому с такой охотой молодой философ Вышеславцев, уже сам побывавший в Германии, отправил своего юного коллегу в лучший по тем временам немецкий университет на реке Неккар. Как он сам вспоминал, «посоветовавшись с доцентом Московского университета Борисом Петровичем Вышеславцевым, я остановил свой выбор на Гейдельберге и, недолго думая, решил запросить ректора, не могу ли я в порядке исключения быть немедленно же принятым на философский факультет с аттестатом реального училища. Очевидно, моя твердая уверенность в своем праве на изучение философии произвела на чье-то чуткое ухо должное впечатление»⁵. Так первый раз перекрестились их пути.

В Гейдельберге Степун учился вместе с С.Гессеном, Н.Бубновым и другими русскими студентами. Он слушал лекции Виндельбанда, который преподавал ему первый урок о разности подхода немцев и русских к высшим вопросам бытия («разница наших духоустремлений», как назвал это Степун). Молодой студент «приехал в Европу разгадывать загадки мира и жизни», он требовал от профессора личного соучастия в вопросах о Боге, бессмертии и т. д., но Виндельбанд, «ласково улыбнувшись мне своею умнопроницательною улыбкою, <...> ответил, что <...> у него, конечно, есть свой ответ, но это уже его “частная метафизика” (Privatmetaphysik), его личная вера, не могущая быть предметом семинарских занятий». Степун во многом усвоил эти уроки. Сошлюсь на слова Л.Зандера: «В структуре его души и творчества европейская и в частности германская традиция имеют огромное

² Из переписки князей С.Н. и Е.Н.Трубецких (публикация Н.В.Котрелева) // *Вопр. философии*. 2007. № 11. С. 96.

³ [Гессен С., Степун Ф.] От редакции // *Степун Ф.А. Соч. / Сост., вступ. ст., примеч. и библиогр.* В.К.Кантора. М., 2000. С. 798.

⁴ Там же.

⁵ *Степун Ф. Бывшее и несбывшееся*. СПб., 2000. С. 73.

значение и можно сказать определяют собой его духовный лик. Он – европеец в лучшем смысле этого слова, он – представитель западной культуры, западного трудолюбия, западной честности и ответственности, и эта печать лежит на всем, что он делал, говорил и писал». Потом при помощи Г.Риккерта Степун вместе с русскими и немецкими друзьями организовал международный философский журнал «Логос». В журнале печатались Зиммель, Риккерт, Гуссерль. Сам он писал о немецких романтиках, Фридрихе Шлегеле, Рильке. Это был период, когда Степун считал основной задачей русской философии усвоение немецких идей последних лет, видя в этом фактор европеизации России (и самого Степуна ученики его, например, профессор А.Штаммлер, определяли как классического «русского европейца»).

Это и был контекст эпохи, превратившийся, по точному слову исследовательницы, в «архив эпохи» (Т.Г.Щедрина). Но тогда все было живо и полно надежд. Русские философы Серебряного века, пишет Щедрина, «еще надеялись и верили в то, что культурное будущее России напрямую зависит и от реальных практических усилий. Поэтому они издавали философские журналы, писали философские статьи, ехали учиться к немецким профессорам и переводили научную и философскую литературу»⁶.

Именно поэтому Вышеславцев направил так уверенно юного студента в Гейдельберг к неокантианцам, самому живому явлению германской мысли начала XX в. Сам Б.П.Вышеславцев учился в Московском университете на юридическом факультете у знаменитого философа-юриста П.И.Новгородцева. Сошлюсь на биографический очерк Н.К.Гаврюшина, который писал, что благодаря поддержке П.И.Новгородцева Вышеславцев стал профессорским стипендиатом и после сдачи магистерских экзаменов был направлен в двухгодичную заграничную командировку. Вышеславцева и его друга, будущего шурина Н.Н.Алексеева привлек Марбург. Это был город, где пребывали студентами Джордано Бруно, потом Ломоносов, а далее Пастернак, где Вышеславцев учился у марбургских неокантианцев П.Наторпа и Г.Когена; а из молодых философов, находившихся в то время в Марбурге, друзья сблизились с Николаем Гартманом, Вл. Татаркевичем, В.Э.Сеземаном⁷. В Марбурге Вышеславцев написал свою диссертацию «Этика Фихте», с блеском защищенную позднее в Московском университете (книга под названием «Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии» вышла в Москве в 1914 г.)⁸.

⁶ Щедрина Т.Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М., 2008. С. 114.

⁷ См.: Гаврюшин Н.К. Б.П.Вышеславцев и его «философия сердца» // Вопр. философии. 1990. № 4. С. 55–62.

⁸ Стоит упомянуть мнение об этой книге Г.Г.Шпета, весьма строгого и разборчивого ценителя русской мысли: «В большую заслугу нужно, поэтому, поставить философам-юристам школы П.И.Новгородцева, делаемые ею усилия <...> приблизить свои исследования к типу исследований истории-филологического характера. <...> Само собою напрашивается в особенности сравнение исследований Вышеславцева «Этика Фихте» и «Философии Гегеля» Ильина, – и по тяжести тем: оба из истории немецкого идеализма, и по близости метода: интерпретация отдельного автора, главным образом, из него самого – имманентное, так сказать, ему исследование. Правда, именно в смысле и стиля и преодоления дилетантизма – преимущества на стороне работы Вышеславцева. Интереснее и богаче она также содержанием: Вышеславцев более подходит как философ, не скрывает себя, не боится сам ставить вопросы, на которые ищет ответа не только у Фихте, но и в современной философской мысли. Его работа, я бы сказал, и по приемам его научнее, так как автор не претендует сделать из своей интерпретации какого-либо философского “открытия”. По языку она – спокойнее, деловитее, также можно сказать, учнее» (Шпет Г.Г. Опыт популяризации философии Гегеля: Отзыв о книге И.А.Ильина «Философия Гегеля». Реконструкция текста Т.Г.Щедриной // Шпет Г.Г. Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры / Отв. ред.-сост. Т.Г.Щедрина. М., 2010. С. 222–223).

О преподавании Вышеславцева в Москве Степун вспоминал почти с восторгом: «Одним из самых блестящих дискуссионных ораторов среди московских философов был Борис Петрович Вышеславцев, приват-доцент Московского университета, живший в Париже и работавший в секретариате Женевской Экуменической лиги.

Юрист и философ по образованию, артист-эпикурец по утонченному чувству жизни и один из тех широких европейцев, что рождались и вырастали только в России, Борис Петрович развивал свою философскую мысль с тем радостным ощущением ее самодовлеющей жизни, с тем смакованием логических деталей, которые свойственны скорее латинскому, чем русскому уму. Говоря, он держал свою мысль, словно некий диалектический цветок, в высоко поднятой руке и, сбрасывая лепесток за лепестком, тезис за антитезисом, то и дело в восторге восклицал: «Поймите... оцените...»

Широкая московская публика недостаточно ценила Вышеславцева. Горячая и жадная до истины, отзывчивая на проповедь и обличение, она была мало чутка к диалектическому искусству Платона, на котором был воспитан Вышеславцев. Среди большой публики у нас были весьма серьезные знатоки и ценители самых разнообразных явлений культуры от Апокалипсиса до балета, но серьезных знатоков философии было немного даже среди профессиональных философов; вероятно, это объясняется сравнительно невысоким уровнем русской научной философии. Ни Пушкина, ни Толстого, ни Тютчева, ни Мусоргского среди русских философов нет»⁹.

Интересно, что Вышеславцева все-таки сравнили с одним из великих русских композиторов. Склонный к хлестко-красивым характеристикам солидарист С.А.Левицкий, написавший, к примеру, что «если Достоевский – золото нашей литературы, то Соловьев – серебро нашей мысли»¹⁰, не обошел своим определением и Вышеславцева: «По тонкости его мысли, по богатству ее оттенков, Вышеславцева можно назвать Рахманиновым русской философии. Без его яркой фигуры созвездие мыслителей русского религиозного Ренессанса было бы неполным»¹¹.

Итак, Рахманинов русской философии, также высланный из страны в 1922 г. Судьба его складывалась, как и у всех эмигрантов, непросто. Бывший организатор и участник Вольной академии духовной культуры, в Берлине Вышеславцев преподавал в Религиозно-философской академии, основанной Н.А.Бердяевым, работал в Богословском институте в Париже, редактором в ИМКА-пресс, а с 1925 г. редактировал бердяевский журнал «Путь». Вообще он тесно был связан с Бердяевым, как позднее с Г.Е.Юнгом, четыре тома которого он издал на русском языке. Степун Бердяеву оппонировал, но это не помешало их профессиональным контактам. Тем более что в том же 1922 г., как Вышеславцев, Бердяев, Франк, был выслан из России и Степун. Россию захлестнул перекинувшийся в Европу хаос, стихия иррационализма.

Стоит отметить, что некую струю иррационализма в позитивистский век даже в немецкой философии Вышеславцев почувствовал одним из первых. Поначалу он, ссылаясь на Бергсона, воздал было ей хвалу: «Интуиция является постоянным *коррективом* несовершенства и ограниченности в рабо-

⁹ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С. 203.

¹⁰ Левицкий С.А. Вл. Соловьев и Достоевский // Левицкий С.А. Свобода и ответственность. «Основы органического мировоззрения» и статьи о солидаризме / Сост., вступ. ст. и коммент. В.В.Сапова. М., 2003. С. 338.

¹¹ Цит. по: Сапов В.В. Рахманинов русской философии // Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Избр. соч. М., 2008. С. 15.

те понятий. Когда догматический рационализм готов замкнуться в самодовольных комбинациях понятий, интуиция заставляет нас *почувствовать*, что море действительности не измерено лотом разума, таинственным образом она угадывает, предчувствует его глубину»¹². Очень удачно определил пафос его ранней философии В.В.Зеньковский: «Основной антиномией, с которой приходится иметь дело философии, является, по Вышеславцеву, антиномия системы и бесконечности, рациональности и иррациональности. <...> Его гораздо более интересует в бытии иррациональное, чем рациональное»¹³. Иррационализм Вышеславцев начинает постепенно (в «Этике преображенного эроса») понимать как основу, основание рационального.

Естественно, что кризис рационализма был общеевропейским явлением, включая и Восточную и Западную Европу. Артур Кёстлер написал в своей автобиографии: «Я родился в тот момент (1905 г. – В.К.), когда над веком разума закатилось солнце»¹⁴. Действительно, недалеко уже было до фашизма и национал-социализма. Гуссерль именно в закате разума увидел первопричину европейского кризиса: «Чтобы постичь противоестественность современного “кризиса”, нужно выработать *понятие Европы как исторической телеологии бесконечной цели разума*; нужно показать, как европейский “мир” был рожден из идеи разума, т. е. из духа философии. Затем “кризис” может быть объяснен как *кажущееся крушение рационализма*. Причина затруднений рациональной культуры заключается, как было сказано, не в сущности самого рационализма, но лишь в его *овнешнении*, в его извращении “натурализмом”. <...> Есть два выхода из кризиса европейского существования: закат Европы в отчуждении ее рационального жизненного смысла, ненависть к духу и впадение в варварство, или же возрождение Европы в духе философии благодаря окончательно преодолевающему натурализм героизму разума»¹⁵. И возник вопрос, что происходит – в Западной Европе и в России как части европейского духовного пространства.

Надо сказать, один из первых ответов опять-таки предложил Вышеславцев – в докладе «Русский национальный характер», прочитанном им в 1923 г. в Риме на конференции, организованной Институтом Восточной Европы¹⁶: «Далекая таинственная Россия <...> ее всегда боялись и не понимали. Теперь она выкинула какую-то невероятную штуку, которая *волнует, пугает или восхищает весь мир*. <...> Из того, что пишется и говорится на Западе, я вижу, что русский народ и русская судьба все еще остается *полной загадкой* для Европы. Мы интересны, но непонятны; и, может быть, поэтому особенно интересны, что непонятны. Мы и сами себя не вполне понимаем, и, пожалуй, даже непонятность, иррациональность поступков и решений составляют некоторую черту нашего характера»¹⁷. Но причины все же стоило поискать.

¹² *Вышеславцев Б.П.* Этика Фихте: Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. М., 2010. С. 74.

¹³ *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. II. Ч. 2. Л., 1991. С. 117.

¹⁴ *Koestler A.* Arrow in the blue: an autobiography. N.Y., 1952. P. 9.

¹⁵ *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия // *Вопр. философии*. 1986. № 3. С. 115.

¹⁶ Стоит добавить воспоминания писателя Бориса Зайцева об этой конференции, из слов которого ясна невольная близость изгнанных русских писателей и мыслителей: «Той осенью оказался в Риме как бы съезд русских: Вышеславцев, Осоргин, Муратов, Чупров (младший, сын профессора. Тоже экономист), Бердяев, Франк, я – каждый выступал перед публикой римской по своей части» (*Зайцев Б.К.* Бердяев // *Бердяев Н.А.* Самопознание. М., 1991. С. 387).

¹⁷ *Вышеславцев Б.П.* Русский национальный характер // *Вопр. философии*. 1995. № 6. С. 112. Публикация подготовлена Л.И.Кутлюковской.

«Философия жизни», идеи которой разделял Степун, также не чужда была иррационализму, которым болела эпоха. По мысли П.П.Гайденко, творчество выступает по существу для философии жизни как синоним жизни; для Бергсона оно – рождение нового, выражение богатства и изобилия рождающей природы, для Зиммеля и Ф.Степуна имеет трагически-двойственный характер: проходя процесс объективизации, продукт творчества в конце концов лишается творческого начала. Отсюда надрывно-безысходная интонация Зиммеля, перекликающаяся с фаталистическим пафосом Шпенглера и восходящая к мировоззренческому корню философия жизни – ее пафосу судьбы, «любви к року» (Ницше), проповеди слияния с иррационалистической стихией жизни.

В России философия русских романтиков-славянофилов, по мысли Степуна, явилась «началом насилующим и порабощающим», поскольку была «всцело пленена жизнью. У нее заимствовала она свое основное понятие иррационального единства»¹⁸. Для Степуна в этом было явное проявление варварства, которое впоследствии увидел он и в евразийстве. Для него Россия была частью Европы, но по-прежнему, как и во времена Новгородско-Киевской Руси, – форпостом, отделявшим цивилизованное пространство от степных варваров. Как и свойственно жителям фронта, скажем, казакам, описанным Л.Толстым, русские люди подвергались влиянию нецивилизованных, стихийных сил, не всегда осознавая свою роль защитников цивилизации. Столь же пограничной явилась в мир и отечественная философия. Своей враждебностью к формальности и строгости, своей степной иррациональной стихийностью русское сознание провоцировало превращение на отечественной почве любой европейской идеи в свою противоположность. И при отказе от разума, от разума, «сознательно стремясь к синтезу, русская мысль бессознательно двигалась в направлении к хаосу и, сама хаотичная, ввергала в него, поскольку ею владела, и всю остальную культуру России»¹⁹.

Поэтому борьба за философию стала для Степуна борьбой за русскую культуру, в конечном счете – за Россию, ибо он опасался, что русская философия окажется не защитой от хаоса, а тем самым «слабым звеном», ухватившись за которое можно ввергнуть всю страну в «преисподнюю небытия»²⁰. Слова Ленина о России как «слабом звене» в европейской (в его терминологии – капиталистической) системе – не случайны. К этой теме мы еще вернемся, пока же стоит показать, какое лекарство предлагал Степун. Ученик неокантианцев, пытавшихся преодолеть почвенничество и этатизм немецкой философии, он, разумеется, заявил о необходимости для русской мысли школы Канта: «Если, с одной стороны, есть доля правды в том, что кантианством жить нельзя, то, с другой стороны, такая же правда и в том, что и без Канта жизнь невозможна (конечно, только в том случае, если мы согласимся с тем, что *жить* означает для философа не просто жить, но *жить мыслию*, то есть *мыслить*). Если верно то, что в кантианстве нет откровения, то ведь верно и то, что у Канта гениальная логическая совесть. А можно ли верить в откровение, которое в принципе отрицает совесть? Что же представляет собою совесть, как не *минимум откровения*? Рано или поздно, но жажда откровения, принципиально враждующая с совестью, должна неизбежно привести к откровенной логической бессовестности, т. е. к уничтожению всякой философии»²¹.

¹⁸ [Гессен С., Степун Ф.] От редакции // Степун Ф.А. Соч. С. 792.

¹⁹ Там же. С. 791.

²⁰ Степун Ф. Мысли о России. Очерк IV // Там же. С. 248.

²¹ Степун Ф. Прошлое и будущее славянофильства // Там же. С. 834 (курсив Ф.Степуна).

Ему кажется, что наступила в России эпоха организации правового демократического общества. Но идея демократии есть идея рационально организованной жизни. А все прошлое воспитание русской культуры (и левых, и правых) было направлено против подобного рационализма. В России разгорается и торжествует хаос. И что делать, если *действительность неразумна?*..

В этом контексте стоит вспомнить старый спор русских мыслителей о поразившей их формуле Гегеля, что «все разумное действительно, а все действительное разумно». Искренний и истовый Белинский сразу же восславил николаевский режим, потому что это была самая что ни на есть, на его взгляд, действительность, а стало быть, она была разумной. Споры продолжались до тех пор, пока Герцен не разъяснил сложность формулы, заметив, что не всякая действительность действительна, т. е. находится в пространстве разума. Страна настолько действительна, насколько разумна. За пределами разума начинается хаос, *внеисторическое существование* и «тьма крошечная». И если Россия не разумна, она и не действительна, ибо находится вне сферы исторических законов. И с этой недействительностью, неразумностью надо бороться. Сам Герцен в своей борьбе стал опираться на мистически понятое идеи общинности как специфической российской сути, неподвластной западноевропейским рациональным расчислениям. И так волей-неволей сошелся идейно со своими прежними оппонентами – славянофилами, даже превзошел их, увидев в *отсталости* России ее великое преимущество, позволяющее обогнать Запад.

А Россия и в самом деле первой оказалась в кризисе. Россия и русский иррационализм мышления и самопонимания оказались тем самым «слабым звеном в цепи», за которое ухватился Ленин, чтобы свалить буржуазную Европу. И свалил, но прежде свалил Россию – в сатанизм и «в преисподнюю небытия» (Степун), в пространство той самой меоничности²², которая приписывалась сугубо западной жизни.

В стране взяли власть большевики. И возобладала под видом рационализма абсолютная иррациональность жизни: «С первых же дней их (большевиков. – В.К.) воцарения в России все начинает двоиться и жить какою-то особенной, химерической жизнью. Требование мира вводится в армию как подготовка к гражданской войне. Под маской братания с врагом ведется явное подстрекательство к избиению своих офицеров. Страстная борьба против смертной казни сочетается с полной внутренней готовностью на ее применение. <...> Всюду и везде явный дьяволизм.

Учредительное собрание собирается в целях его разгона; в Бресте прекращается война, но не заключается мира; капиталистический котел снова затапливается в “нэпе”, но только для того, как писал Ленин, чтобы доварить в нем классовое сознание недоваренного пролетариата»²³. Именно о подобной двойной системе политического и культурного сознания впоследствии писал Дж. Оруэлл («1984»). Степун уехал в имение жены, где, образовав «семейную трудовую коммуну», он и его близкие жили крестьянским трудом, а сам Степун еще работал и как театральный режиссер. И однако именно деятельность Степуна оказалась той первопричиной, что побудила Ленина задуматься о высылке на Запад российской духовной элиты.

Поводом для иррациональной ярости вождя послужила книга о Шпенглере, написанная четырьмя русскими мыслителями. Шпенглера же принес российской философской публике Степун. Впрочем, предоставим слово до-

²² От греч. μη ὄν – небытие.

²³ Степун Ф. Мысли о России. Очерк IV // Степун Ф.А. Соч. С. 249–250.

кументам. Сначала воспоминания самого Степуна: «Дошли до нас слухи, что в Германии появилась замечательная книга никому раньше неизвестного философа Освальда Шпенглера, предсказывающая близкую гибель европейской культуры. <...> Через некоторое время я неожиданно получил из Германии первый том “Заката Европы”. Бердяев предложил мне прочесть о нем доклад на публичном заседании Религиозно-философской академии. <...> Прочитанный мной доклад собрал много публики и имел очень большой успех. <...> Книга Шпенглера <...> с такою силою завладела умами образованного московского общества, что было решено выпустить специальный сборник посвященных ей статей. В сборнике приняли участие: Бердяев, Франк, Букшпанн и я. По духу сборник получился на редкость цельный. Цена большую эрудицию новоявленного немецкого философа, его художественно-проникновенное описание культурных эпох и его пророческую тревогу за Европу, мы все согласно отрицали его биологически-законоверческий подход к историософским вопросам и его вытекающую из этого подхода мысль, будто бы каждая культура, наподобие растительного организма, переживает свою весну, лето, осень и зиму»²⁴.

Имеет смысл привести и отрывок из «Предисловия» к сборнику: «Предлагаемый сборник статей о книге Шпенглера “*Untergang des Abendlandes*” не объединен общностью мирозерцания его участников (курсив мой. – В.К.). Общее между ними лишь в сознании значительности самой темы – о духовной культуре и ее современном кризисе. <...> Главная задача сборника – ввести читателя в мир идей Шпенглера. <...> Таким образом – по заданию сборника – читатель из четырех обзоров должен получить достаточно полное представление об этой, несомненно выдающейся книге, составившей культурное событие в Германии. *Москва, декабрь 1921*»²⁵.

Сборник, культуртрегерский по своему пафосу, вызвал неожиданную для их авторов реакцию вождя большевиков:

«Н.П.Горбунову. С е к р е т н о. 5. III. 1922 г.

т. Горбунов. О прилагаемой книге я хотел поговорить с Уншлихтом. Помоему, это похоже на “литературное прикрытие белогвардейской организации”. Поговорите с Уншлихтом не по телефону, и пусть он мне напишет *секретно* (курсив мой. – В.К.), а книгу вернет. Ленин»²⁶.

Заметим, что Иосиф Станиславович Уншлихт (род. в 1879 г., Польша) был в эти годы заместителем председателя ВЧК и доверенным лицом вождя, даже более доверенным, чем Дзержинский. А 15 мая, т. е. спустя два месяца, в Уголовный кодекс по предложению Ленина вносится положение о «высылке за границу». В результате секретных переговоров между вождем и «опричниками-чекистами» (Степун) был выработан план о высылке российских интеллектуалов на Запад²⁷. Так антишпенглеровский сборник совершенно иррациональным образом «вывез» его авторов в Европу из «скифского пожара».

Можно, конечно, предположить, что Ленин старался избежать идеологического соперничества, строя свою идеократию. Но, тем не менее, уже эта идея (пусть и победившая Россию на несколько десятилетий) вряд ли имеет рациональный характер.

²⁴ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Т. II. С. 275–279.

²⁵ Освальд Шпенглер и Закат Европы. М., 1922. С. 5.

²⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 198.

²⁷ Подробнее об этом см.: Коган Л.А. «Выслать за границу безжалостно» (Новое об изгнании духовной элиты) // Вопр. философии. 1993. № 9. С. 61–84.

В ту же группу высланных писателей попали и Степун, и Вышеславцев.

А «высшие муки» рождают и высшие прозрения. Об этих же русских эмигрантах-мыслителях напомним слова М.Цветаевой:

Поколение, где краше
Был – кто жарче страдал.

Началась новая жизнь, решение тяжелых бытовых проблем и попытка сформулировать внутреннюю сущность большевиков, найти им по возможности точное обозначение.

Поразительно, что почти все русские мыслители-эмигранты объяснения происшедшей с Россией катастрофы искали в строчках Достоевского. Можно напомнить тексты Бердяева, Булгакова, Мережковского и др. Почти сразу после Октябрьской революции 1917 г. Борис Вышеславцев назвал важнейшим художественным открытием Достоевского именно тему стихийности: «Теперь, когда русская стихия разбушевалась и грозит затопить весь мир, – мы должны сказать о нем, что он был действительным ясновидцем, показавшим нечто самое реальное и самое глубокое в русской действительности, ее скрытые подземные силы, которые должны были прорваться наружу, изумляя все народы, и прежде всего самих русских»²⁸. Весьма близок ему в этом понимании русской революции и большевизма Степун. Интересно, что Степун, боевой офицер, очевидный противник большевиков, видный деятель Временного правительства, не ушел в Добровольческую армию или еще куда-то бороться с «дьяволизмом». Но именно потому и не ушел на борьбу (в страхе смерти его не упрекнуть), что увидел не случайную победу враждебной политической партии, а сущностный срыв всего народа, которому большевики лишь потворствовали и который провоцировали. В 1923 г. в начальной статье своего знаменитого цикла «Мысли о России» («Современные записки») он писал: «Большевизм совсем не большевики, но нечто гораздо более сложное и прежде всего гораздо более *свое*, чем они. Было ясно, что большевизм – это географическая бескрайность и психологическая безмерность России. Это русские “мозги набекрень” и “исповедь горячего сердца вверх пятаями”; это исконное русское “ничего не хочу и ничего не желаю”, это дикое “улюлюканье” наших борзятников, но и культурный нигилизм Толстого во имя последней правды и смрадное богоискательство героев Достоевского. Было ясно, что большевизм – одна из глубочайших стихий русской души: не только ее болезнь [но] и ее преступление. Большевики же совсем другое: всего только расчетливые эксплуататоры и потакатели большевизма. Вооруженная борьба против них всегда казалась бессмысленной – и бесцельной, ибо дело было все время не в них, но в <...> стихии русского безудержа»²⁹.

Оба они указывали важнейшее, что увидели в XX в., – взрыв подсознательного, которое стало определять дневную и земную жизнь людей. Помимо статей, которые писали оба, Вышеславцев издал два весьма солидных труда, где дал резкую критику не просто Советской власти, но марксизма, который, на его взгляд, не случайно столь легко сросся с русским «безудержем». В 1952 г. он издал книгу «Философская нищета марксизма» (игра с названием книги Маркса о Прудоне «Нищета философии»), а в 1953 г. книгу «Кризис индустриальной культуры: Марксизм. Неосоциализм. Неолиберализм». Сейчас эти книги переизданы, наконец, в России. Основной мотив его критики – изгнание из жизни целой страны духовой вертикали, трагизм лич-

²⁸ Вышеславцев Б.П. Русская стихия у Достоевского. Берлин, 1923. С. 10.

²⁹ Степун Ф. Мысли о России. Очерк I // Степун Ф.А. Соч. С. 205.

ности, приведший даже способных к мысли и чувству людей к погружению в своего рода метафизическое небытие. В другой своей статье о Достоевском 1932 г. он фиксирует эту ситуацию: «Инфантильная философия марксизма не додумалась до мысли о смерти. <...> Пролетариаты и коллективы, народы и земли, планеты и светила – умирают. Пафос пятилеток и классовой борьбы есть вздор перед *проблемой энтропии*. Как бы ни была задавлена личность в коллективизме, личное горе и личный трагизм имеют для нее абсолютное значение. Отсюда невероятное количество самоубийств в коммунизме и притом со стороны лиц наиболее значительных и талантливых. Марксизм не может утешить в трагизме, ибо он не знает трагизма: это бестрагическое мирозерцание инфантильного активизма»³⁰. Говоря о самоубийстве, скорее всего он имел в виду гибель Маяковского (1930) – о ней думали все. А постоянная тема творчества Маяковского – как отдать свою личность в услужение пролетариату, массе, прямо отвечала теме статьи Вышеславцева. Поэт не выдержал этой душевной раздвоенности и покончил с собой. Именно эту его раздвоенность, разрыв между высокой личностной культурой и грядущим массовым обществом угадала Цветаева.

Марина Цветаева увидела в самоубийстве Маяковского трагедию личностной культуры в России и создала в 1930 г. цикл «Маяковскому». Приведу несколько строк, имеющих отношение к теме статьи:

Правнуком своим проживши,
Кончил – прадедом своим.

То-то же, как на поверку
Выйдем – стыд тебя заест:
Совето-российский Вертер.
Дворяно-российский жест.

Об этих «жестах» и писал Вышеславцев. Стихия «рационалистически организованного иррационализма» составляла смысл происходящего. Степун дал свое определение: «Самая страшная и нравственно неприемлемая сторона большевицкой революции, – утверждал он, – это гнусный, политический размен религиозной бездны народной души: апокалипсис без Христа, апокалипсис во имя Маркса. В результате бессмысленный срыв разумного социалистического дела обезумевшею сектою марксистов-имяславцев»³¹. Можно ли так назвать убежденных атеистов? Но вспомним рассуждение Степуна о том, что большевики оседлали иррациональную народную стихию безудержа и большевизма. Чтобы эту стихию оседлать, надо внутренне ей соответствовать. Это простое рассуждение требует, тем не менее, серьезных пояснений.

Как бы ни относиться к имяславию, нельзя забывать, что это было течением внутри христианства, точнее сказать – православия. По формуле крупного выразителя этого течения А.Ф.Лосева, «имяславие – одно из древнейших и характерных мистических движений православного востока, заключающееся в особом почитании имени Божьего. <...> Имя Божье есть энергия Божия, неразрывно связанная с самой сущностью Бога, и потому есть сам Бог»³². А потому, по словам Лосева, когда эта энергия сообщается человеку, в нем

³⁰ Вышеславцев Б.П. Достоевский о любви и бессмертии // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. Сб. ст. М., 1990. С. 398–399.

³¹ Степун Ф. Мысли о России. Очерк VIII. (Национально-религиозные основы большевизма: пейзаж, крестьянство, философия, интеллигенция) // Степун Ф.А. Соч. С. 328–329.

³² Лосев А.Ф. Имяславие // Вопр. философии. 1993. № 9. С. 53, 59.

также действует Бог. В конечном счете, когда имя подменяет Бога, то вполне можно это имя подменить другим именем и направить на него ступок энергии верующего народа, которая будет заряжать это имя энергией. Так и случилось. «По целому ряду сложных причин заболевшая революцией Россия действительно часто поминала в бреду Маркса; но когда люди, мнящие себя врачами, бессильно суется у постели больного, выдают бред своего пациента за последнее слово науки, то становится как-то и смешно, и страшно»³³. Но бред-то был, и имя Маркса наполнилось невиданными энергиями.

А кто мог им противостоять, кто мог понять, что, в сущности, произошло с Россией и откуда и о чем был ее бред и ее бунт? – задавал вопрос Степун. Дело не в марксизме как научной теории. Для Степуна совершенно ясно, что к научному марксизму происшедшее в России не имеет ни малейшего отношения. Не случайно не раз он противопоставлял *коммунистический рационализм* и *большевистское безумие*. Социалистическое дело – разумно, считал Степун, а здесь произошло противное разуму: «Вся острота революционного безумия связана с тем, что в революционные эпохи сходит с ума сам разум»³⁴. И Ленин не был ученым, каким безусловно был Маркс, Ленин «был характерно русским *изувером науковерия*»³⁵.

В России произошла невероятная вещь: народ, не теряя, так сказать, «психологического стиля своей религиозности», т. е. сочетания фанатизма, двоеверия, обрядоверия, подкрепленного невежеством и неумением разумно подойти к церковным догматам, изменил вдруг вектор своей веры. Отдал эту веру большевикам – атеистам и безбожникам. И потому, как пишет Степун, «все самое жуткое, что было в русской революции, родилось, быть может, из этого сочетания безбожия и религиозной стилистики»³⁶.

Поэтому он думал, что задача русской эмиграции была не военная борьба с большевизмом, как считал, скажем, П.Б.Струве, но политическая борьба, не просто философские рассуждения о природе большевизма, но политическое противостояние. Здесь он разошелся с Бердяевым, который в своем журнале «Путь» отстаивал аполитичность русской эмиграции. Вышеславцев же и житейски, и идейно был близок Бердяеву. Поэтому Степун полемизировал не только с Бердяевым, но и Вышеславцевым, редактором и автором «Пути». Степун был сотрудником «Современных записок», и в 1926 г. мы можем в его текстах увидеть иронический пассаж по поводу позиции Вышеславцева в контексте полемики с бердяевской установкой: «На политической территории решаются сейчас религиозные судьбы народов. Не верно, что консерваторы никого не консервируют, либералы никого не освобождают и радикалы не делают ничего радикального, как то на основании французских наблюдений утверждает Б.П.Вышеславцев. Уже в Германии дело обстоит иначе. Консерваторы в ней определенно консервируют язычество древних германцев; радикалы делают весьма радикальный четвертый интернационал, т. е. готовят к терминологии “Пути” царство антихриста»³⁷.

³³ Степун Ф. Мысли о России. Очерк VI (Большой смысл и малые смыслы. Коммунистическая идеология и современная литература. Эмигранты и большевики) // Степун Ф.А. Соч. С. 283.

³⁴ Степун Ф. Религиозный смысл революции // Там же. С. 386.

³⁵ Степун Ф. Мысли о России. Очерк IX (Национально-религиозные основы большевизма: большевизм и Россия, большевизм и социализм; социалистическая идея и социалистическая идеология; Маркс, Бланки, Бакунин, Ткачев, Нечаев, Ленин) // Там же. С. 347 (Курсив Степуна.)

³⁶ Степун Ф. Мысли о России. Очерк IV // Там же. С. 349.

³⁷ Степун Ф.А. Об общественно-политических путях «Пути» // Степун Ф.А. Соч. / Сост., вступ. ст., примеч. и библиогр. В.К.Кантора. М., 2000. С. 864.

Если можно с некоторым допущением сказать, что большевистская революция была результатом западных влияний, то последствием Октября была страшная европейская *революция справа – национал-социализм*. «Возникновение на Западе фашизма, – замечал Бердяев, – который стал возможен только благодаря русскому коммунизму, которого не было бы без Ленина, подтвердило многие мои мысли. Вся западная история между двумя войнами определилась страхом коммунизма»³⁸.

Степун слишком хорошо видел, как Германия иным путем, но скатывается туда же, куда уже скатилась Россия – по его выражению, «в преисподнюю небытия». В 1931 г. он писал своему другу Густаву Кульману³⁹: «При помощи теории Ничше и Бахофена, теории мифа и органического мышления, насаждается среди немецких народных учителей такой тупоумный шовинизм, что становится прямо-таки страшно за судьбу Германии и человечества. Насаждается сознательное, натуралистическое язычество, метафизическое мышление принудительно отделяется от этического, государство изображается, как мистерия крови, история преподносится в мифически-патриотическом порядке. Главы истории Рейн, восточная граница и немецкие меньшинства. Такая помесь Ничше и Илловайского, мифа и провинциальной оперы, что прямо-таки дышать нечем. И это все забивается в головы народных учителей в порядке принудительного слушания философских курсов. Решительно иной раз кажется, что Германии, при всех ее великих дарах, не дано дара политической мысли»⁴⁰.

В эти годы он становится для русской эмиграции признанным *консультантом по Германии*. В «Современных записках» и «Новом Граде» он пишет несколько статей, специально посвященных немецким проблемам⁴¹. Проблемы Германии не могли не волновать изгнанную из своей страны русскую интеллигенцию. Слишком много общего с большевизмом находили эмигранты в поднимавшемся национал-социализме. Россия и Германия слишком тесно сплелись в этих двух революциях – от поддержки Германией большевиков до поддержки нацистов Сталиным. Степун заметил, что и сами нацисты видят эту близость. Он обращает внимание на идеи Геббельса о том, что «Советская Россия самую судьбою намечена в союзницы Германии в ее страстной борьбе с дьявольским смрадом разлагающегося Запада. Кратчайший путь национал-социализма в царство свободы ведет через Советскую Россию, в которой “еврейское учение Карла Маркса” уже давно принесено в жертву красному империализму, новой форме исконного русского “панславизма”»⁴².

³⁸ Бердяев Н.А. Самопознание. (Опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 231.

³⁹ Густав Густавович Кульман (1896–1961), швейцарец, родившийся в Голландии, учился в Йельском университете. Юрист по профессии, поклонник русской культуры, он встречал русских философов, высланных «на философском пароходе», помогал в их трудоустройстве, один из создателей и соредкторов (вместе с Бердяевым) журнала «Путь», работал в «ИМКА-пресс», с 1931 г. работал в международных организациях по интеллектуальному сотрудничеству. С 1938 г. – заместитель Верховного комиссара по делам беженцев при Лиге Наций, потом при ООН, занимался делами перемещенных лиц (DP), помогал еврейским беженцам, его именем назван один из кибуцев в Израиле. Степун был его многолетним другом, начиная с 1920-х гг.

⁴⁰ Columbia University Libraries, Bakhtmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann.

⁴¹ Германия // Современные записки. 1930. Кн. 42. С. 413–427; Письмо из Германии. Формы немецкого советофильства // Современные записки. 1930. Кн. 44. С. 448–463. (Подп. – Николай Луганов); Письмо из Германии. (Национал-социалисты) // Современные записки. Париж, 1931. Кн. 45(XLV). С. 446–474. (Подп.: Николай Луганов) и др.

⁴² Степун Ф. Письмо из Германии. (Национал-социалисты) // Степун Ф.А. Соч. С. 890.

Содержание *немецких статей* Степуна не сложно для восприятия: обзоры современной немецкой литературы (о Ремарке, Юнгере, Ренне и т. п.), анализ политических событий (выборы президента и т. п.). Но второй смысл – сравнение двух стран с такой похожей судьбой: слабость демократии, вождизм, умелая спекуляция тоталитарных партий на трудностях военной и послевоенной разрухи. И прежде всего отказ от рационализма и подыгрывание иррациональным инстинктам масс: «Как всегда бывает в катастрофические эпохи, в катастрофические для Германии послевоенные годы стали отовсюду собираться, подыматься и *требовать выхода в реальную жизнь иррациональные глубины народной души* (курсив мой. – В.К.). Углубилась, осложнилась, но и затуманилась религиозная жизнь. Богословская мысль выдвинулась на первое место, философия забогословствовала, отказавшись от своих критических позиций»⁴³. Перекличка с пред-революционной российской ситуацией очевидная.

Религиозная проблема работала как в России, так и в Германии. Резонно соображение исследовательницы: «Темы философов русского зарубежья пронизаны религиозными сюжетами, <...> религиозность оказалась единственной реальностью, которая оставалась для них настоящей, родной, самой интимной сферой»⁴⁴. Но дело в том, что тоталитарные режимы весьма серьезным своим врагом считали христианство с его демократическим утверждением каждой личности (все души имеют свое место у Бога). Поэтому тема христианства остается одной из важнейших для Степуна и его со-товарищей по эмиграции.

В своих мемуарах автор знаменитого романа «Слепящая тьма» Артур Кёстлер в главе «Закат либерализма» писал: «До 14 сентября (1930 г. – В.К.) у партии национал-социалистов было 12 мест в германском парламенте; в этот день она получила 107 мандатов. Партии центра были сокрушены, демократическая партия практически перестала существовать. Социалисты потеряли 9 мандатов. У коммунистов прирост голосов составил 40%, у нацистов – 80%. Конец надвигался. Развязка наступила спустя два с половиной года. <...> Через несколько дней паника улеглась <...>, люди вернулись к обыденным делам, уже не замечая, что страна превратилась в бомбу замедленного действия. Мы то слышали, как тикает часовой механизм, отсчитывая нам последние минуты, то забывали о нем. Ко всему привыкаешь, а этот процесс растянулся на два с половиной года»⁴⁵. Конечно, привыкаешь ко всему, но некоторые начали искать контактов с нацизмом. Чуть позже Геббельс будет иронизировать, говоря об интеллектуалах, лихорадочно принявших вступать в партию. «Геббельс, – писал Альберт Шпеер, 2 ноября 1931 г. – опубликовал в “Ангриф” (“Наступление”) передовицу, касающуюся множества новых членов, вступивших в партию после сентябрьских выборов 1930 года. В своей статье он предостерегал партию против проникновения в нее буржуазных интеллектуалов, заявлял, что представителям обеспеченных и образованных слоев общества нельзя доверять так же, как “старым борцам”, ибо по своему характеру и принципам они стоят неизмеримо ниже добрых старых партийных товарищей. Правда, Геббельс учитывал интеллектуальный потенциал новообращенных: “Они полагают, что лишь болтовня демагогов привела *движение* к величию, и теперь готовы присвоить и возглавить его. Вот что они думают!”»⁴⁶.

⁴³ Степун Ф. Германия «проснулась» // Там же. С. 484.

⁴⁴ Щедрина Т.Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. С. 123.

⁴⁵ Кёстлер А. Автобиография // Иностр. лит. 2002. № 7. С. 207.

⁴⁶ Шпеер А. Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности. М., 2005. С. 38.

Степун в начале тридцатых уже вполне серьезно относится к нацистам, более того, публикует в «Современных записках» и «Новом граде» ряд статей, посвященных этой проблеме. В 1931 г. он так оценивал выборы 14 сентября: «Без учета того факта, что национал-социалисты шли в бой с твердою верою в непоколебимую верность своей идеи, с “лютой” (grimmig) решимостью во что бы то ни стало победить и с повышенным чувством мессианских задач грядущего немецкого государства, их головокружительный успех необъясним»⁴⁷. Победа нового движения уже близилась. И здесь каждый выбирал свою позицию. Когда Карл Ясперс написал свою книгу «Вопрос о виновности», он говорил в ней о виновности тех, кто жил в Германии во время нацизма, но не желал знать о его преступлениях. Для Степуна противостояние нацизму интеллектуала определялось двумя понятиями: верой в Бога и верностью подлинной философии.

Вышеславцев, напротив, одно время видел в гитлеровцах освободителей России от коммунизма. Такие же иллюзии были у И.Ильина, у Д.Мережковского, у Э.Метнера и т. д. **Тем не менее он продолжал общаться со Степуном, а Степун с ним.** Известно, что в 1939 г. Вышеславцев навестил Степуна в Дрездене. Довольно быстро потеряв свои иллюзии относительно рыцарского начала у Гитлера и его бескорыстной борьбы с коммунизмом в Советской России, Вышеславцев пытался перебраться в Швейцарию, что ему, наконец, удалось с помощью К.Г.Юнга, четыре тома которого он издал на русском языке. Степуна же ждали большие испытания. Изгнание из Дрезденского технического института, где он занимал кафедру социологии. Во время бомбежки Дрездена они с женой уцелели, но погибла его громадная библиотека и обширный архив. Поэтому нам известны письма Степуна, но мы не знаем ответов его адресатов. Судьба после войны вынесла его в Мюнхен, где впервые за свою скитальческую жизнь, он обрел солидное положение: специально для него была создана кафедра «истории русской духовности» (Russische Geistesgeschichte). В 1952 г. он писал Борису Вышеславцеву, по совету которого он когда-то поехал в Гейдельберг: «Что сказать о себе? Как и все мы всё потеряли в Дрездене. Если что и жалко, то только русскую библиотеку, которая мне сейчас была бы особенно нужна, так как я получил в Мюнхене профессуру по истории русской культуры (Russische Geistesgeschichte). **Этим летом исполняется уже два года моей мюнхенской деятельности.** Интерес к России очень велик. Меня слушают около 250 человек. Студенчество гораздо серьезнее, чем то, с которым я имел дело в Дрездене. Два католических патера пишут у меня докторские работы. Предложений публичных лекций не оберешься. В предстоящем летнем семестре я опять читаю во Франкфурте, Гейдельберге, Тюбингене, Штуттгарте и Гейльбронне. Могу сказать, что если бы не перспектива возможной войны и необходимого в связи с ней бегства отсюда, то мы были бы своей жизнью вполне довольны. Правда, я лично не верю ни в то, что война безусловно неизбежна, ни тем паче в то, что мы стоим накануне ее. Но все же и при моем неверии нет безусловной веры в то, что все обойдется благополучно»⁴⁸.

Впрочем, здесь я немного забегаю вперед, ибо хочу предложить читателю письма Степуна Вышеславцеву: переписка их восстановилась с конца 1940-х годов. Из этой переписки ясно по крайней мере одно: тяжелая судьба не давала людям разбегаться. Они чувствовали себя потерпевшими кораблекрушение, но оставшимися в одной лодке. Пересечение и близость их судеб – не пустые слова. Слава Богу, осталось реальное свидетельство этого пересечения – публикуемые ниже письма.

⁴⁷ *Степун Ф.* Письма из Германии. (Национал-социалисты) // Степун Ф.А. Соч. М., 2000. С. 886.

⁴⁸ Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Vysheslavtsev. Box 1. Stepun, Fedor Augustovich. To Boris Petrovich Vysheslavtsev.

Федор Степун*

Письма Б.П. Вышеславцеву**

1⁴⁹.München 27, Manerkirchenstr., 52
10-IV-48

Дорогой Борис Петрович,

уже давно, но как-то глухо слышали мы, что вас отнесло в Швейцарию. Конечно, можно было бы уже давно запросить тех же Кульманов⁵⁰ о месте вашего пребывания, но это как-то не случилось. Не знаю почему, но я вообще медленно, несмотря на тоску по старым друзьям и знакомым, связываюсь с ними. Очевидно, в душе подсознательно живет гоголевская тема: «отсюда хоть три года скачи, – никуда не допрыгнешь». Спасибо, что Вы написали, чем очень обрадовали нас. Надеюсь, что за это время Вы получили мои «воспоминания»⁵¹ и второе издание Переслегина⁵². Жалею, что то и другое имеется в данную минуту лишь на немецком языке. Думаю, однако, что и немецкий перевод «воспоминаний» заинтересует Вас, так как почти все содержание книги в такой же мере моя, как и Ваша биография. Мне очень хотелось бы продвинуть «воспоминания» в Европу. Если у Вас есть связь со Швейцарской прессой, то был бы Вам очень благодарен, если бы Вы устроили рецензию в какой-нибудь газете или литературном журнале. По моему плану все три тома вместе должны дать, пользуясь выражением Зиммеля⁵³, некую молекулярную социологию нашей революции. Второй том выйдет, вероятно, к Рождеству. Простите, что сразу же обременяю Вас просьбой. Я Вам выслал два экземпляра «воспоминаний». Второй перешлите, пожалуйста, Нелли Викторовне Кимляетам⁵⁴, которая, как нам рассказывал недавно гостивший у нас Asmuss⁵⁵, очень тоскует о прошлом, а я ведь был очень близок с ее покойным братом.

Что сказать о себе? Как и все, мы всё потеряли в Дрездене⁵⁶. Если что и жалко, то только русскую библиотеку, которая мне сейчас была бы особенно нужна, так как я получил в Мюнхене профессию по истории русской культуры (*Russische Geistesgeschichte*). Этим летом исполняется уже два года моей мюнхенской деятельности. Интерес к России очень велик. Меня слушают около 250 человек. Студенчество гораздо серьезнее, чем то, с которым я имел дело в Дрездене. Два католических патера пишут у меня докторские работы. Предложений публичных лекций не оберешься. В предстоящем летнем семестре я опять читаю во Франкфурте, Гейдельберге, Тюбингене,

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 10-03-00064а).

** Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Vysheslavtsev. Box 1. Stepun, Fedor Avgustovich. To Boris Petrovich Vysheslavtsev.

⁴⁹ Письмо написано от руки.

⁵⁰ Густав Густавович Кульман (1896–1961).

⁵¹ Речь идет о немецком варианте мемуаров Степуна: «Vergangenes und Unvergängliches».

⁵² Die Liebe des Nikolai Pereslegin. München, 1951.

⁵³ Георг Зиммель (1858–1918) – немецкий философ и социолог, один из главных представителей поздней «философии жизни». Разрабатывал преимущественно проблемы философии культуры и социологии. Пользовался поддержкой учителя Ф.Степуна Г.Риккерта. В своем преподавании курса философии в Дрезденском институте технологии Степун опирался на идеи Зиммеля.

⁵⁴ Данного человека определить не удалось.

⁵⁵ Скорее всего речь идет о Валентине Фердинандовиче Асмусе (1894–1975), которого Степун знал с 1910 г.

⁵⁶ Речь идет о бомбежке Дрездена англо-американской авиацией в феврале 1945 г., уничтожившей дом Степунов, где погиб весь архив и вся библиотека мыслителя.

Штутгарт и Гейльбронне⁵⁷. Могу сказать, что если бы не перспектива возможной войны и необходимого в связи с ней бегства отсюда, то мы были бы своей жизнью вполне довольны. Правда, я лично не верю ни в то, что война, безусловно, неизбежна, ни тем паче в то, что мы стоим накануне ее. Но все же и при моем неверии нет безусловной веры в то, что все обойдется благополучно.

Пока я еще воздерживаюсь от участия в культурно-просветительской работе среди новой эмиграции: уж очень сложно ее лицо и многообразны среди нее всевозможные политические течения. С отдельными людьми мы довольно близко общаемся. Читаю я также и русские лекции в прицерковных организациях, но от политики воздерживаюсь, да и не верится мне как-то в политическое значение неозмигрантских толпиц. Но это тема большая, о которой ближе – при свидании.

Мы уже давно собираемся на месяц в Швейцарию, которая мне прежде всего необходима, чтобы собрать материал для написания историософски-социологического послесловия к моим «воспоминаниям»; но до сих пор все встречались какие-то неожиданные препятствия, о которых рассказывать долго. Теперь дело будто бы налаживается, и мы живем надеждой по окончании семестра, т. е. в начале июля, попасть к вам. К сожалению, наше с Наташей здоровье не так хорошо, как оно должно было бы быть: у нее сердце – у меня желчный пузырь. Мечтаем в Швейцарии не только духовно, но и физически напитаться. Конечно, надо еще устроить, или вернее, расширить ту очень узкую материальную базу, которую мне гарантирует знакомый издатель. Надеюсь, однако, что это как-нибудь уладится.

Были ли Вы на том международном съезде в Швейцарии, на котором выступал Николай Александрович⁵⁸, о смерти которого мы узнали с большим опозданием. Мне очень хотелось бы знать поточнее и поглубже о его просоветских настроениях (статью Федотова «Старый, ослепший орел»⁵⁹ я читал). Я взялся написать о нем статью-некролог для одного немецкого журнала, и мне трудно писать, не зная подробностей его духовного поворота. Если что знаете – напишите; если были о нем интересные статьи – то, пожалуйста, пришлите, очень обяжете. Жива ли еще Евгения⁶⁰ Юдифовна. (Ведь жена, Лидия, умерла давно!)

Ну, кончаю, дорогой Борис Петрович. Наташа и я крепко обнимаем Вас и Наталью Николаевну⁶¹.

Ваш Федор Степун

P.S. Нельзя ли как-нибудь получить Вашу книгу «Диалект. материализм»⁶². Мне она была бы нужна.

⁵⁷ Гейльбронн (Heilbronn) – город в земле Баден-Вюртемберг на реке Неккар.

⁵⁸ Речь о Н.А.Бердяеве (1874–1948), великом русском философе.

⁵⁹ Так Степун обозначил статью Федотова «Ответ Н.А.Бердяеву», опубликованную в 1946 г. в журнале «За свободу» (№ 17). Федотов писал, что в ситуации победы в войне с Гитлером Сталина «идейное значение русского патриотизма совершенно меняется. Он теряет остатки благородства, наследие героической обороны, и приобретает хищный, волчий оскал, который был свойствен и немецкому патриотизму гитлеровской эпохи. Боюсь, что и русскому народу придется расплачиваться за патриотов, сплотившихся ныне вокруг Сталина-завоевателя. <...> Сталинизм есть просто русская форма фашизма. <...> В этой борьбе Бердяев – конечно, сам не подозревая о том, – занял позицию в стане фашизма против социализма, в стане рабства против свободы. <...> Бердяев живет в воображаемом, нереальном мире. Однако это не оправдание. У русского писателя в эмиграции имеются лучшие возможности информации, чем у кого-либо другого. Мы понимаем по-русски. Бердяев не знает фактов, потому что не хочет их знать. <...> В этот решающий одиннадцатый час так много зависит от немногих – мужественных и честных. Горе, когда эти немногие слепнут» (Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 9. М., 2004. С. 206, 208, 209).

⁶⁰ Зачеркнуто слово «Лидия», сверху написано «Евгения».

⁶¹ Жена Б.П.Вышеславцева (урожденная Алексеева, младшая сестра Н.Н.Алексеева).

⁶² Речь идет о первом разделе книги Вышеславцева «Философская нищета марксизма» под названием «Диалектический материализм». Вопрос загадочный для 1948 г., поскольку книга вышла только в 1952 г.

Милый друг, Борис Петрович, большое спасибо за присылку Вашей книги⁶⁴ и за недавно полученное письмо. Как жалко, что Вы живете в Женеве, а не в Цюрихе или даже Базеле. С тех пор, как мы с Вами видались, мы с Натальей Николаевной уже не раз бывали в Швейцарии. Приблизительно год тому назад я читал две лекции в Гларусе. Десятого декабря мы опять через Цюрих направляемся туда же. Знаю от г-жи Губерт, что и Вы читали у нее. Если бы Вы жили в Цюрихе, мы попутно обязательно, хоть на несколько часов заглянули бы к Вам: побеседовали о том нашем, своем, непроходящем⁶⁵, о котором Вы пишете в Вашем письме. Книгу Вашу я наскоро по диагонали пробежал сейчас же по ее получении, читал я и статью Юрьевского⁶⁶ в Социалистическом Вестнике⁶⁷. Уверен заранее, что я с Вами во многом согласен, уверен и в том, что в очень многом окажусь несогласен с Вашими критиками. Само собой разумеется, что я охотно напишу статью о Ваших книгах для Нового Журнала. Хотел бы написать ее, предварительно ознакомившись с полемической литературой. Кроме Юрьевского я ничего не читал. Напишите, пожалуйста, где были напечатаны дальнейшие, интересные, хотя

⁶³ Письмо напечатано на машинке на двух оборотах страницы. Последний абзац впечатан сверху второй оборотной страницы.

⁶⁴ «Кризис индустриальной культуры» (N.Y.: Изд-во им. Чехова, 1953). Книгу в частном письме Вышеславцеву очень хвалил митрополит Киприан. Епископ Иоанн санфранцисский по поводу этой книги писал Вышеславцеву 24 марта 1953 г.: «Дорогой Борис Петрович, приехал я на юг своей епархии и, в том доме, где остановился, узрел Ваше новое детище, книгу о марксизме... И вот хочу, с другого конца земли, с двух сторон обнять Вас, – правой рукой через Тихий и Индийский океаны, а левой рукой – чрез Атлантический, и сказать автору, посланцу добрых и умных сил: спасибо!.. Как овчарка вгрызлись Вы в волка мысленного, и по всем статьям пошли от него клоки шерсти, весьма характерной для сего волка. Очень, очень хорош сей пир мысли, на котором угощаете Вы весьма многих. Мысль наша не избалована анти-марксизмом. И язык Ваш (так же, как и более твердые орудия уст) – силен. Точный и тонкий русский язык “серебряного века” российского, каждой фразой своей попадающий в цель, без обывательской злобности, камешки свои в *глаз* великану из пращи своей запускающий. По образу Архангела Михаила спорите с дьяволом “из-за Моисеева тела” (сиречь, творенья Божьяго), без произнесения “укорительного суда”... Судит Истина а не мы... Книга Ваша – светский язык Церкви».

Если же говорить на марсовом наречии, то книгу можно уподобить “водородной” и, одновременно, “кислородной” бомбе, – убивающей множество бесов разных категорий, с оживлением умов и сердец...

Книга требует продолжения, развития *по всем направлениям*. Это, конечно, могли бы сделать и другие; но лучше, если сам автор посвятит свой греческий “досуг” этой христианской “школе”. С любовью обнимаю Вас и призываю на Вашу жизнь и слово Божье благословение. Еп. Иоанн» (Columbia University Libraries, Bakhtmeteff Archive. Ms Coll Vysheslavtsev. Shakhovskoi, Dmitrii Alekseevich. To Boris Petrovich Vysheslavtsev).

⁶⁵ Намек на немецкое название мемуаров Степуна, по-русски звучащее как «Прошедшее и непроходящее» («Vergangenes und Unvergänglichkeit»). Verlag Jozef Kösel in München, 1947).

⁶⁶ Речь идет о Вольском Николае Владиславовиче (по др. источнику Владимировиче): 1879–1964. Родился в Моршанске Тамбовской губернии в помещичьей семье. Журналист, философ, наиболее частые псевдонимы Н.Валентинов, Самсонов, Е.Юрьевский. После 2-го съезда РСДРП (1903) примыкал к большевикам, с 1904 меньшевик. Считал необходимым обогатить марксизм идеями Э.Маха и Р.Авенариуса. В 1928 возглавлял советское торгпредство в Париже, с 1930 эмигрант. Автор воспоминаний «Мои встречи с Лениным», «Наследники Ленина», «Два года с символистами». Умер в Плесси-Робансон под Парижем.

⁶⁷ Юрьевский Е. О «кризисе» индустриальной культуры // Социалистический вестник. Нью-Йорк–Париж, 1953. № 7. Июль–авг. С. 138–141.

бы и дальнейшие⁶⁸ отзывы. К сожалению, должен сказать, что до конца семестра я до того завален, задушен работой, что раньше, чем к концу февраля я всерьез приступить к работе над Вашей книгой не смогу. Каждую неделю я по 4 часа читаю в университете. Кроме того, во время семестра, т. е. до конца февраля читаю еще по одной лекции для студентов всех факультетов. Россия вопрос важный, я как лектор пришелся Германии по вкусу, и потому меня часто приглашают как спеца по российским вопросам. Читаю я много и о фильме. Тоже тема, которая сейчас интересует немецкое студенчество. Даже в католическом Мюнхене министерство предложило ассигновку для ординариата по фильмологии, по примеру парижской Сорбонны. Много у меня также и письменных обязательств. Все это сообщаю Вам, чтобы Вы не посетовали на меня за отсрочку статьи.

А впрочем, номера Нового Журнала появляются настолько редко, что может быть раньше, чем к началу марта, статья Карповичу⁶⁹ и не придется к двору. Во всяком случае, я сейчас же напишу Карповичу и узнаю, как обстоят дела. Несчастье только в том, что он медленно отвечает на письма. Вероятно, страшно завален работой.

Незадолго до получения Вашего письма мне кто-то говорил о Вашей болезни⁷⁰. С радостью узнал от Вас, что Вам стало легче, что кризис разрешился положительно. Дай Вам Бог быстрой поправки. Так как мир управляется ныне людьми Вашего возраста, то Вы имеете полное право считать себя молодым. Да и помним мы Вас в Женеве совершенно таким же, каким Вы были в Дрездене⁷¹, а, в конце концов, и

⁶⁸ Так у Степуна. Можно назвать следующие статьи по поводу этой книги Вышеславцева: 1. *Вишняк М.* О старом социализме, неосоциализме и неолиберализме // Новый журнал. Нью-Йорк, 1953. № XXXIV. С. 269–278. 2. *Деннике Ю.П.* Социализм и хозяйственная демократия // Новый журнал. Нью-Йорк, 1953. № XXXIV. С. 279–286. 3. *Тимашев Н.С.* В защиту промышленной культуры // Новый журнал. Нью-Йорк, 1953. № XXXV. С. 280–287. 4. *Карпович М.* По поводу книги Б.П.Вышеславцева // Новый журнал. Нью-Йорк, 1953. № XXXV. С. 288–295.

⁶⁹ Впрочем, Вышеславцев сам был связан с Карповичем и обсуждал с ним эту проблему. В письме к Вышеславцеву от 20 апреля 1953 г. А.В.Тыркова-Вильямс сообщала ему: «Была я на днях на лекции Карповича о современных событиях. Он начал ее с Вашей книги, сказал, что он только что прочел для Чеховского Издательства книгу проф. Вышеславцева о Кризисе Индустриальной культуры, расхвалил ее и, насколько я помню, даже процитировал несколько слов относительно значения морали. Как видите, Ваша книга еще до рождения имеет значительных хвалителей» (Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Vysheslavtsev. Tyrkova-Williams, Ariadna Vladimirovna. To Boris Petrovich Vysheslavtsev. Box 1).

М.М.Карпович писал Вышеславцеву в письме от 19 января 1953 г.: «Что касается нашей дискуссии по Вашей книге (речь о «Философской нищете марксизма». – В.К), то она меня очень разочаровала. Я начал с Вишняка и Денике, потому что видел в них тех «неосоциалистов» (во всяком случае, по сравнению с другими русскими социалистами в эмиграции, к-рых Вы в своей книге приглашали к «диалогу»). Написали они совсем не то, что я ожидал. Вместо обсуждения проблем по существу – разбор отдельных Ваших утверждений, оторванных от контекста, и при том (особенно у Вишняка) разбор придирчивый. Раз заказав им эти статьи, я уже не считаю себя вправе от них отказаться или менять их по существу. В статье Вишняка я кое-что изменил <...>, но некоторые пассажи <...> мне так и не удалось устранить. Я очень долго думал о том, кого попросить написать «в противовес». <...> Из названных Вами лиц, Степун безнадежен (из него трудно было что-нибудь извлечь)» (Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Vysheslavtsev. Karpovich, Mikhail Mikhailovich. To Boris Petrovich Vysheslavtsev. Box 1).

⁷⁰ Скорее всего говорил это Степуна Г.П.Федотов, которому Вышеславцев писал в 1949 г.: «Мне пришлось вернуться в Париж, чтобы делать операцию. Она была довольно тяжелой, месяц я пролежал в клинике, не зная, поправлюсь ли, и два месяца пролежал дома» (Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 12. Письма Г.П.Федотова и письма различных лиц к нему. Документы. М., 2008. С. 407).

⁷¹ В письме к Бунину от 24 июля 1939 г. Степун писал: «Живем мы в Дрездене, в сущности, очень хорошо. Гостившему у нас Борису Петровичу даже показалось, что он попал в доверенную Москву» (Письма Ф.А.Степуна И.А.Бунину / Вступ. ст. К.Хуфена. Публ. и примеч.

таким, каким Вы были в Москве. Мне кажется, что люди, живущие духовной жизнью, гораздо медленнее стареют, чем люди, питающиеся исключительно земными радостями. В **совершенно особом состоянии был Бунин, которого мы видели в апреле** этого года. Несмотря на свой громадный талант, он все же не был, в подлинном смысле этого слова, духовным человеком, оттого, быть может, он и так страшно состарился к своим 82 годам. Но талант его был так же силен, как и в лучшие его годы. Только талант этот еще больше и даже страшнее озлился⁷². Слова его были полны невероятной меткости. Я **сказал, между прочим, что мы собираемся навестить Сергея Яблоновского**⁷³, как старого москвича, на что он тут же ответил: «зачем это Вам? ведь он “гавно в слезах”». То же самое он говорил о многих из своих старых друзей. И **все же очарование его было бесконечно. Вообще в Париже было грустно.** Несмотря на то, что Гитлер разочаровал русских гитлеристов, а Сталин – большевизанов, оба лагеря все еще живут враждою друг к другу. Мы «циркулировали» сквозь оба лагеря и, кажется, никого этим особенно не возмутили. На моем докладе о Бердяеве было около 200 человек. Я **мог и хотел бы еще многое написать Вам, но должен кончать письмо, т. к. должен продиктовать по крайней мере еще десять писем.** А завтра у меня семинар.

Крепко обнимаю Вас и шлю сердечный привет Наталье Николаевне и Вам от нас обоих.

Искренне Ваш Ф. Степун

Кланяйтесь, пожалуйста, Николаю Николаевичу⁷⁴ и скажите, что мои попытки устроить его статью не увенчались успехом. В ней много очень интересного, но в ней не чувствуется, что она написана для немцев. Да и в смысле языка надо было бы многое «германизировать».

Публикация и комментарии В.К.Кантора

Р.Дэвиса и К.Хуфена // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. С. 121).

⁷² Отношения с Буниным у Степуна были довольно сложные. Бунин полагал, что лучшие статьи о его творчестве принадлежат Степуну. Но в их отношения вмешалась судьба: родная сестра Степуна Марга Степун увела в середине 1930-х гг. последнюю любовь Бунина – Галину Кузнецову. Отношения на время прервались, но в начале 1950-х восстановились. Степун и другие мемуаристы не раз отмечали возраставшую с годами желчность Бунина. Скажем, в 1952 г. Степун писал Бунину: «О Блоке я с вами, милый друг, говорить не могу. Ваша страстность мне не под силу» (Письма Ф.А.Степуна И.А.Бунину / Вступ. ст. К.Хуфена. Публ. и примеч. Р.Дэвиса и К.Хуфена // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. С. 134).

⁷³ *Сергей Яблоновский* – наиболее известный псевдоним Сергея Викторовича Потресова (1870–1953), журналиста, литературного и театрального критика, поэта.

⁷⁴ Скорее всего, речь идет о Николае Николаевиче Алексееве (1879–1964), философе и правоведе, одно время примыкавшем к евразийству, который с 1950 г., покинув Белград, жил, как и Вышеславцев, в Женеве. Младшая сестра Алексеева была женой Вышеславцева. Алексеев не раз печатался по-немецки, но о какой статье в данном случае идет речь, установить не удалось. Алексеев, как и Степун, учился у Виндельбанда.

ПРИЛОЖЕНИЕ*

Федор Степун

О КОРНЯХ БОЛЬШЕВИЗМА, О ДЕМОКРАТИИ,
СВОБОДЕ И БУДУЩЕМ РОССИИ⁷⁵

Тепло встреченный аудиторией проф. Ф.А.Степун говорит:

Заранее должен просить извинения, что вначале буду говорить как будто совсем не на тему. Но мое «не на тему» есть все-таки на тему, потому что мне хочется первый доклад, его тему, осветить совсем с другой стороны. Сторона другая, а тема все-таки та же самая.

Я все время спорил с одним абсолютным предрассудком или же с большой, по моему, социологической неверностью. Я считаю, что в большевизме и в ленинизме очень незначительную роль сыграл Карл Маркс, и всякое рассматривание большевизма как применения марксизма к революции ведет к пониманию, которое проходит мимо наиболее существенных явлений этого своеобразного, страшного, жуткого, грозного, большого и очень русского явления.

В действительности Ленин обрусил Маркса и тем самым от него удалился. Возьмите самую основную формулу Маркса: обобществление средств производства. А что сделал Ленин? Уничтожил общество. Превратил общество в департамент, в государственный задворок. Что он сделал с государством? Он государство оцерковил. Потому что превратил государство в исповеднический институт с совершенно определенными исповедническими положениями и с утверждением абсолютной истины. Это с Марксом не имеет ничего общего, кроме терминологии.

Возьмем этот вопрос с другой стороны. Ленин в своих исследованиях о капитализме в России писал, что Россия – это, к сожалению, 80–90 процентов крестьян⁷⁶. Если Ленин сам за два года до наступления XX века признает, что крестьян в стране от 80 до 90 процентов, то сколько же у него пролетариев? А ведь нужно учитывать еще и то, что, помимо крестьян и пролетариев, были дворянство, священство, торговцы и целый ряд других слоев.

Следует напомнить, что еще Вера Засулич обращалась к Энгельсу или Марксу и спрашивала: можно ли делать в России пролетарскую революцию, хотя у нас нет пролетариата? И ей ответили, что нельзя. И этот ответ, запрещающий в России делать пролетарскую революцию, опубликован в предисловии ко второму переводу «Капитала» Карла Маркса. Там только сказано, что если в Европе будет революция, то плечиком можно подтолкнуть⁷⁷.

Совершенно другая, следовательно, концепция. Но Ленин, хорошо понимавший, что в стране 90 процентов крестьян, все-таки последовал требованиям Верховенского в «Бесах». А там сказано: если у нас нет пролетариата, то мы его выдумаем.

И Ленин выдумал пролетариат. И это написано у него совершенно точно. Он все крестьянство разделил: бедные крестьяне, безлошадные – это пролетариат, а кто побогаче – буржуазия. И, расколов крестьянство на две части, он заставил бедную играть в пролетариат, а зажиточную играть в буржуазию.

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-03-00064а).

⁷⁵ 10–11 октября 1964 г. в Мюнхене происходило расширенное заседание «Посева», на котором и сделал свой доклад Ф.А.Степун. Опубликован он был в газете «Посев» 6 ноября 1964 г. № 44. С. 5–6.

⁷⁶ Речь идет о книге Ленина 1899 г. «Развитие капитализма в России».

⁷⁷ Маркс полагал, что «одновременное существование западного производства, господствующего на мировом рынке, позволяет России ввести в общину все положительные достижения, добытые капиталистическим строем, не проходя сквозь его кавдинские ущелья» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 400).

Так что, если вы от этого перейдете к структуре большевизма, то вы увидите, – и это Ленин и сам признает, – что предком большевизма, в конце концов, является «Катехизис революционера»⁷⁸.

Откуда попало к отцам большевизма слово «катехизис»? Катехизис к ним попал все-таки из уроков Закона Божьего. Значит, в конце концов, основная грамота ленинизма – из урока Закона Божьего.

«Набат»⁷⁹ издавался в 1872-м году, и никакого капитализма тогда, конечно, не было. Только что освободили крестьян.

Какие же в «Катехизисе революционера» требования?

Первое – уничтожение Господа Бога.

Второе – уничтожение монастырей как рассадников лени и безнравственности. О безнравственности можно спорить, но ленивыми монахи не были, огороды возделывали, кормились вполне честно.

Затем – освобождение женщин от ярма брака и государственное воспитание детей.

И самое главное, что было сказано Ткачевым, который называл себя первым марксистом, это то, что мы не можем делать массовую революцию, что это в России неприменимо, что революцию у нас могут делать только профессиональные революционеры.

Слова «профессиональный революционер» на тысячах страниц повторяются у Ленина. Он не ведал никакими пролетарскими массами, делали революцию профессиональные революционеры.

Что такое профессиональный революционер – написано у Ткачева. Он сам им был. Это – человек одинокий, не связанный узами семьи, презирующий всякую нравственность, обязанный умереть за свои идеи, получающий право убить каждого, кто ему помешает⁸⁰.

И получается партия совершенно иерархическая. Ветхозаветное начало – Маркс и Энгельс. Непогрешимый папа – Ленин. Затем круг епископов – членов партии, членов советов. Дальше: объективный революционер – пролетариат и субъективные революционеры – пролетарии. Важен только объективный. А субъективные – это просто рабочая скотинка, которую мы потом по-марксистски прижмем к стенке... Все это – совершенно иерархическая структура.

Если вы хотите искать по-настоящему корни большевистской идеократии, то она больше всего похожа на теократию Ивана Великого Грозного. Это абсолютная интенсивная исповедническая вера.

Теперь другой вопрос. Кто же возможные наследники большевиков?

Из слова доклада А.В.Светланина⁸¹ как будто можно было понять так, что большевизм может быть заменен чем-то, подобным западноевропейской демократии. Он даже сказал: мы – демократы.

Вот это – проблема, которая ни в одном реферате не была затронута. А это, собственно, наша главная задача как эмиграции. Нам надо додумать и как-то уловить, как же будет построена будущая Россия?

⁷⁸ «Катехизис революционера» явился, по мнению исследователей, результатом коллективного творчества – С.Г.Нечаева, М.А.Бакунина и П.Н.Ткачева. Лидером написания текста был Нечаев.

⁷⁹ Журнал П.Н.Ткачева.

⁸⁰ Раскавыченная цитата из «Катехизиса революционера»: «Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. <...> Денно и ночью должна быть у него одна мысль, одна цель – беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неумолимо к этой цели, он должен быть всегда готов и сам погибнуть и погубить своими руками все, что мешает его достижению» (Катехизис революционера // Революционный радикализм в России / Под ред. Е.Л.Рудницкой. М., 1997. С. 244–245).

⁸¹ А.В.Светланин преподавал в Кембридже на русском языке, затем стал журналистом и, наконец, редактором русского эмигрантского журнала «Посев» (1955–65 гг.),

К монархии не вернемся. Какую-нибудь разнузданную диктатуру а ля Гитлер или Ленин нам тоже нельзя. А можно ли нам эту демократию здешнюю? Я думаю, что ничего не выйдет. Почему? Потому что не может теперь восторжествовать то, что было разбито. А **западноевропейская демократия была разбита в лице Временного правительства. И трудно представить, что то, что было разбито, снова восторжествует.** А кроме того, я этого вовсе не желаю.

Ведь, в конце концов, большевизм является очень серьезной критикой этой демократии. Какая ее основная вина? Вина всей западноевропейской демократии в том, что она сорвалась со своих исторических корней. А исторические корни всей западноевропейской демократии – это, конечно, христианство с его двумя Ветхими Заветами: еврейским и античным. **И все понятия: понятие свободы, понятие личности, понятие права – все они своими корнями в антично-еврейском мире.**

И эти корни теперь изничтожены. И наша свобода, и наша личность, и наше право – это сорванные со своих корней цветы. А сорванные цветы всегда гниют. А когда гниют, то воняют...

Это вот то страшное будущее, которое над нами уже нависает. И я очень боюсь того, что из этого получится. Я не могу сейчас подробно об этом говорить, об этом надо было бы прочесть целый доклад... Но взять, например, вопрос о свободе. Что такое свобода? Она корневым образом связана с Евангелием от Иоанна. Познай свободу и свобода освободит тебя. Это определение дошло до марксовского Гегеля, у которого сказано: свобода причиняется истиной.

И вот этот брак Истины и Свободы, который в английском парламенте сохранялся еще до XVI века, расторгнут. Когда брак расторгается – всегда одно и то же. Категория единства заменяется категорией множественности. Не хочу жену – хочу любовницу. То же самое произошло и с западноевропейской демократией. Она к черту послала жену Истину и завела любовника, а любовник – это Мнение. У нас свобода мнений, ни к чему не обязывающих, кроме защиты своих интересов. Этот пустогрудый либерализм не может заменить трагические события, которыми внесено столько восторга, муки, крови...

Замена большевизма строем, подобным западноевропейской демократии, – это была бы гора, которая родила мышь. Совершенно непредставимо, чтобы на хоботище дикого советского слона сидела такая мышь...

То же самое и с личностью. Личность есть, так сказать, индивидуализированное богоподобие. **А мы личности боимся. У нас только индивидуум. Интересно, что западноевропейская пресса не отличает личности от индивидуума. А что значит индивидуум? Неделимый.** И современный демократ ни с кем и ничем не делится, он только соединяется в массы для того, чтобы таранить получше подобного ему – своего врага... Никто не пытается другого переубедить, а только переголосовать. Никакого качества, одно только количество, т. е. наследие того начала рационалистической науки, которое сменило церковь во французскую революцию.

Меня интересует: что вы предлагаете? Насколько я знаю вас, ваше движение, вы все-таки этот пустогрудый либерализм, эту материалистическую демократию, которая уже была сменена большевизмом, отвергали.

Значит, нам надо думать: что же делать? Я не могу на этом останавливаться, но я все-таки думаю, что такие явления, как Аденауэр и де Голль, это какая-то правильная поправка. Но только они не институты, а личности. Когда я так говорю в своих лекциях немцам, они мне говорят: проф. Степун, вы – диктатор. Я говорю: нет. Меня

большевики выгнали из страны и заставили подписать, что я подлежу высшей мере наказания, если вернусь⁸². А Гитлер также выгнал меня из университета и дал мне за то, что я молчу, 300 марок в месяц, так сказать, помирай с голоду, и запретил печататься и запретил разговаривать⁸³.

Нет, я совершенно не сторонник диктатуры. Но нужно ли из-за того, что мы выбрасываем к черту насилие лжи (ибо диктатура есть власть лжи), выбрасывать из нашего искания власть истины? Я думаю, что в России должна быть продумана какая-то очень уверенная демократия, с усилением власти истины, и не только в порядке свободной проповеди, но как институт твердого начала...

Теперь по поводу второго доклада – о широком фронте. Я стопроцентный защитник широкого фронта. Представлять себе, что какая-нибудь одна революционная партия, особенно такая, которая находится вне пределов страны, может взять себе монополию на проведение революции – это совершеннейшая утопия. Это было бы переоценкой своих сил.

Обращаясь к А.Н.Артемову, проф. Ф.А.Степун говорит: В вашем докладе были две вещи, которые меня в личном порядке интересуют.

Вы затронули тему террора. Возможен ли террор? Об этом я очень много думал, а кроме того и писал в свое время, когда был начальником политического управления военного министерства при Керенском.

Я совершенно определенно защищал во время войны смертную казнь. В правовом государстве я бы ее никогда не защищал. С точки зрения права смертную казнь защищать нельзя, но с точки зрения живой политической борьбы она совершенно неизбежна.

⁸² В «Постановлении Политбюро ЦК РКП(б) об утверждении списка выслаемых из России интеллигентов» от 10 августа 1922 г. Степун, попавший в дополнительный список, характеризовался следующим образом: «7. Степун Федор Августович. Философ, мистически и эсеровски настроенный. В дни керенщины был нашим ярым, активным врагом, работая в газете правых с[оциалистов]-р[еволюционеров] “Воля народа”. Керенский это отличал и сделал его своим политическим секретарем. Сейчас живет под Москвой в трудовой интеллигентской коммуне. За границей он чувствовал бы себя очень хорошо и в среде нашей эмиграции может оказаться очень вредным. Идеологически связан с Яковенко и Гессеном, бежавшими за границу, с которыми в свое время издавал “Логос”. Сотрудник издательства “Берег”. Характеристика дана литературной комиссией. Тов. Серeda за высылку. Тт. Богданов и Семашко против» (Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923 / Вступ. ст., сост. В.Г.Макарова, В.С.Христофорова; коммент. В.Г.Макарова. М.: Русский путь, 2005. С. 10). Стоит упомянуть еще Заключение СО ГПУ в отношении Ф.А.Степуна от 30 сентября 1922 г.: «С момента октябрьского переворота и до настоящего времени он не только не примирился с существующей в России в течение 5 лет Рабоче-Крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности в моменты внешних затруднений для РСФСР» (Там же. С. 338).

⁸³ Как и большевики, нацисты терпели его ровно пять лет своего режима, пока не увидели, что перековки в сознании профессора Степуна не происходит. В доносе 1937 г. говорилось, что он должен бы был переменить свои взгляды «на основании параграфов 4-го или 6-го известного закона 1933 г. о переориентации профессионального чиновничества. Эта переориентация не была им исполнена, хотя, прежде всего, должно было ожидать, что как профессор Степун определится по отношению к национал-социалистическому государству и построит правильно свою деятельность. Но Степун с тех пор не предпринял никакого серьезного усилия по позитивному отношению к национал социализму. Степун многократно в своих лекциях отрицал взгляды национал-социализма прежде всего по отношению к целостности национал-социалистической идеи как и к значению расового вопроса, точно также и по отношению к еврейскому вопросу, в частности, важного для критики большевизма» (Treiber Hubert – Fedor Steppuhn in Heidelberg (1903–1955). Über Freundschaft- und Spätbürgertreffen in einer deutschen Kleinstadt // Treiber Hubert & Sauerland Karol (Hrsg.). Heidelberg im Schnittpunkt intellektueller Kreise. Zur Topographie der «geistigen Geselligkeit» eines «Weltdorfes»: 1850–1950. Opladen: Westdeutscher Verlag GmbH, 1995. S. 98.).

Когда я был – простите меня за воспоминания – призван на названный мною выше высокий пост – неизвестно, как я туда попал, потому что никогда не был эсером, никогда не был эсдеком, Баумана не хоронил, «Интернационала» не пел, а был каким-то другим человеком, из другого мира, занимался философией, искусством, и революционером меня сделала вот только эта самая революция, – то я сделал тогда Временному правительству и, в частности, Керенскому, три предложения, которые потом были опубликованы в моей книге «Бывшее и несбывшееся».

Первое: чтобы Временное правительство потребовало от союзников немедленного открытия мирных переговоров с объявлением им, что если через пять месяцев мирные переговоры не будут закончены, то мы заключаем сепаратный мир с немцами. Лучше мы заключим, чем Ленин. Если мы не заключим этот мир, то немцы с Лениным его заключат. Надо быть слепым, чтобы этого не видеть.

Второе: быстрый созыв Учредительного собрания для того, чтобы передать крестьянам – что было уже решено – всю землю, чтобы их держать еще пассивно на фронте и чтобы они перестали убивать помещиков.

Третье: арест Центрального комитета большевиков с указанием на то, что если заговорщическая деятельность большевистской партии пойдет дальше, то они подлежат высшей мере наказания.

Я это к тому говорю, что я тогда это защищал и сейчас защищаю. Формула этого – долг греха. В политике существует долг греха. Можно душу свою продать для того, чтобы спасти других. Нужно исполнить этот долг греха. И если бы Временное правительство взяло на себя тогда этот долг греха, то не было бы ни большевизма, ни национал-социализма.

С этой точки зрения, я думаю, нам сейчас о терроре заботиться не нужно, особенно после четвертого доклада. Но все-таки неизвестно, как пойдет. Во всяком случае, политический активизм этого требует.

Теперь вот о чем. Вы употребили выражение «народная революция». Конечно, нам нужны народные начала, но как вам сказать? Народ – это не множество мужиков, а народ – это Достоевский, это Толстой, это народ, собранный в какую-то творческую силу. Вот мне нужен только этот народ – не большое количество людей, а чтобы я жил с народом, чтобы во мне он жил, чтоб я его любил, чтобы я любил образ родины России; любил, как он, народ живет, даже, как он ругается. В общем все вместе. И это в больших людях существует. И это мне только и нужно...

Я думаю, что власть сегодня находится в процессе разложения и, конечно, нужно теснить ее всеми возможными средствами широким фронтом. Но одновременно моя постоянная забота о том, что же мы будем строить. Очень интересны приведенные в докладах настроения нынешней молодежи в России. Но мне кажется, что в этих настроениях много шепотно-дилетантского. Ищут Бога у кого? Максвелл был назван, Ремарк... А надо возвращаться к каким-то определенным религиозным истокам...

Публикация и комментарии В.К.Кантора